

19 СЕН 1984

ЖУРНАЛ «ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ»

г. МОСКВА

СЛОВО ПИСАТЕЛЯ

Юрий НАГИБИН:

ДЕРЕВО НАШЕЙ РОДИНЫ

— Это дерево нашей Родины, — сказала мать. — Русская береза.

Не хочу навязывать эту фразу, хотя именно так принято поступать с цитатами. Не хочу, потому что слова, сказанные матерью герою моей повести Павлику Чердынцеву, слышал я сам. Слышал в реальной жизни, и тоже — от матери. Не уверен, правда, сейчас, что именно к березе подвела меня мама в тот далекий день моего детства. Но твердо знаю, что русское дерево стояло перед нами. А дальше случилось со мной то же, что и с Павликом. «...в горле у него вдруг вспыхнули слезы: от ощущения ли скрытой прелесть мира, которая когда-нибудь откроется ему, от любви ли к матери, давшей ему коснуться ее сердца. Так, через мать, вошла к нему любовь к дереву. В самые трудные минуты жизни один лишь вид дерева мог сделать его счастливым».

Павлик Чердынцев навсегда остался там — в бедном, опоганенном войной лесу. Навсегда остался в военном лихолетье тысячи и тысячи его сверстников. Остались, заповедав и нам, вернувшимся, и тем, кто пришел и придет после нас, все то, что вмещало их сердце, неимоверно щедрое, до краев наполненное любовью...

Счастливы я, что принадлежу к этому поколению влюбленных. Влюбленных во все, что составляет емкое понятие Родина. И сколь ни был бы обширен перечень составных этого понятия, нет среди них

ни одной лишней. Но есть то, что невозместимо, — ощущение твоей слитности с землей, на которой стоит Отчизна, с живым миром, который тебя окружает.

Для нас, жителей средней полосы России, это прежде всего — лес. Не степи, не горы, не реки даже, а именно лес.

Молодежь подчас упрекает моих сверстников — слишком-де они часто сетуют: «Вот в наше, мол, время...» Может быть, и есть в упреке том доза справедливого, но куда больше справедливости в непреложном: нам, юнцам двадцатых — тридцатых годов, лес был гораздо ближе, чем сегодняшнему молодому поколению. В прямом и переносном смысле.

Судите сами: я горожанин, коренной москвич. Не случайно назвал как-то Чистые Пруды «столбовой дорогой нашего детства». Смею заверить, что мы, тогдашние городские дети, знали лес так, как не знает и, к обиде нашей, не может знать нынешний юный гражданин.

Причины тут несколько, и каждая — повод для раздумий. Почему-то ныне родители (и не только городские) гораздо реже, чем раньше, вспоминают, что среди педагогических средств есть и такое могучее, как лес. Можно не быть специалистом в области педагогики и не обладать статистическими данными (впрочем, сомневаюсь, что таковые существуют), чтобы без боязни погрешить против истины,

уверенно сказать: взрослые стали куда реже выезжать с детьми на природу, и этим мы обкрадываем детскую душу. Чем можно заменить прямое знакомство, прямую дружбу с русским лесом, с нашим неброским смешанным лесом?

Мне, да и не только мне, практически всем моим одноклассникам, повезло куда больше. Для меня лично лес и мать — понятия неразделимые. Надеюсь, что это почувствовал и мой читатель. Лес для меня — школа гражданственности, школа совести. Без русского леса я скорее всего и не состоялся бы как писатель. Думаю, закономерно, что радость первого успеха пришла ко мне с рассказом «Зимний дуб». Именно в этой, сравнительно небольшой вещи мне удалось впервые приблизиться к самому сокровенному во всем моем творчестве. Сегодня «Зимний дуб» переведен на многие языки. Его читают в индийских джунглях и в африканской саванне. И если небогатое событиями повествование о зимнем лесу находит отклик у читателя, для которого и само понятие «зима» — в диковинку, значит, мне посчастливилось хоть в какой-то мере передать очарование русского зимнего леса.

Одна из самых благородных задач русской литературы — исследовать взаимоотношения человека с природой, с лесом. Я вовсе не претендую на лавры первооткрывателя: отношение к природе, к живому во все времена было и остается оселком, по кото-

му безошибочно можно определить, состоялся или не состоялся человек.

Гуманизм высочайшей пробы, товарищескую взаимовыручку, доброту (требовательную, а не бесхребетную), трепетное отношение к живому, истинную, а не декларативную верность и другу, и делу, и идеалам — все это воспитывает лес. Уже за одно это заслуживает он любви и преданности.

Разве не счастье — писать о лесе? Счастье, конечно, огромное. И боль огромная тоже.

Почему?

Сегодня лес отодвинулся от нас. Он отступил от больших городов и поселков, от рек и магистралей.

Лес оскудел. В Подмосковье еще в предвоенное время и лось, и заяц, и кабан, и белка, и рябчик были отнюдь не в диковинку. Сегодня же встреча с лесным обитателем — редкий праздник. Год от года все сложнее делается поиск грибника. Да и ягодника тоже. Исправно пополняются за счет животного и растительного богатства леса страницы самой страшной из книг — «Красной книги». И пусть речь сейчас не о чисто лесном обитателе, но ведь это же — верх дикой несуровицы, что в «Книгу» угодила полевая ромашка!

Хочу быть понятым правильно. От использования (и конечно же, промышленного) даров леса нам не уйти. Невозможно представить себе быт человека, скажем, без добротной деревянной мебели. Трудно вообразить себе сегодня сельское строительство без деревянных срубов. Или бумага, острую нехватку которой мы, литераторы, ощущаем, быть может, как нигде. Все это — лес. Все это — промышленная заготовка древесины.

Взглянем на проблему заземленнее. Откровенно говоря, не понимаю тех, кто ратует за полное запрещение охоты. Сегодня я уже «переболел» охотой, но это не значит, что готов предать анафеме бывшее ув-

лечение. Да, я был охотником. И не выходя из дома — добытчиком. И не выходя из дома — добытчиком. И не выходя из дома — добытчиком.

Так, может быть, зря я тели лесного богатства? Ведь тоны многих устных

Нет, конечно. И сам я ступлениями такого рода здесь свою задолженность хотелось бы сейчас говорить. И ступлениями такого рода здесь свою задолженность хотелось бы сейчас говорить. И ступлениями такого рода здесь свою задолженность хотелось бы сейчас говорить.

Не считая себя специалистом, скажите предположение, что эксплуатация леса парадоксальнее, чем те, что лесной массив катас

С плана начинается в не так, как того бы хотелось. Как-то зимой в телем акции, которая по наминала общественной табов. На нескольких ге. Вырубались сплошным хозяйством, — пояснили рубка». Может быть, в лизма я заподозрил, что как положено. «Нет, все должны настаивать оппо был на место с бригадой. В эфир передача не пошлись. Остались, в частнос левизита «санитарная» в

О НАШЕЙ РОДИНЫ

вала мать.

именно так — потому что повести Павлен, правда, меня мама в твердо знаю. А дальше вликом. «...в ощущения ли а-нибуть отдавшей ему ошла к нему нуты жизни «частливый». там — в бед-гда остались его сверст-нувшись, и все то, что ое, до краев у поколению о составляет бы об ирен ст сре-них

ни одной лишней. Но есть то, что невозможно, — ощущение твоей слитности с землей, на которой стоит Отчизна, с живым миром, который тебя окружает.

Для нас, жителей средней полосы России, это прежде всего — лес. Не степи, не горы, не реки даже, а именно лес.

Молодежь подчас упрекает моих сверстников — слишком-де они часто сетуют: «Вот в наше, мол, время...» Может быть, и есть в упреке том доза справедливого, но куда больше справедливости в непреложном: нам, юнцам двадцатых — тридцатых годов, лес был гораздо ближе, чем сегодняшнему молодому поколению. В прямом и переносном смысле.

Судите сами: я горожанин, коренной москвич. Не случайно назвал как-то Чистые Пруды «столбовой дорогой нашего детства». Смею заверить, что мы, тогдашние городские дети, знали лес так, как не знает и, к общей беде нашей, не может знать нынешний юный гражданин.

Причин тут несколько, и каждая — повод для раздумий. Почему-то ныне родители (и не только городские) гораздо реже, чем раньше, вспоминают, что среди педагогических средств есть и такое могучее, как лес. Можно не быть специалистом в области педагогики и не обладать статистическими данными (впрочем, сомневаюсь, что таковые существуют), чтобы без боязни погрешить против истины,

уверенно сказать: взрослые стали куда реже выезжать с детьми на природу, и этим мы обкрадываем детскую душу. Чем можно заменить прямое знакомство, прямую дружбу с русским лесом, с нашим неброским смешанным лесом?

Мне, да и не только мне, практически всем моим одноклассникам, повезло куда больше. Для меня лично лес и мать — понятия неразделимые. Надеюсь, что это почувствовал и мой читатель. Лес для меня — школа гражданственности, школа совести. Без русского леса я скорее всего и не состоялся бы как писатель. Думаю, закономерно, что радость первого успеха пришла ко мне с рассказом «Зимний дуб». Именно в этой, сравнительно небольшой вещи мне удалось впервые приблизиться к самому сокровенному во всем моем творчестве. Сегодня «Зимний дуб» переведен на многие языки. Его читают в индийских джунглях и в африканской саванне. И если небогатое событиями повествование о зимнем лесу находит отклик у читателя, для которого и само понятие «зима» — в диковинку, значит, мне посчастливилось хоть в какой-то мере передать очарование русского зимнего леса.

Одна из самых благородных задач русской литературы — исследовать взаимоотношения человека с природой, с лесом. Я вовсе не претендую на лавры первооткрывателя: отношение к природе, к живому во все времена было и остается оселком, по которо-

му безошибочно можно определить, состоялся или не состоялся человек.

Гуманизм высочайшей пробы, товарищескую взаимовыручку, доброту (требовательную, а не бесхребетную), трепетное отношение к живому, истинную, а не декларативную верность и другу, и делу, и идеалам — все это воспитывает лес. Уже за одно это заслуживает он любви и преданности.

Разве не счастье — писать о лесе? Счастье, конечно, огромное. И боль огромная тоже.

Почему?

Сегодня лес отодвинулся от нас. Он отступил от больших городов и поселков, от рек и магистралей.

Лес оскудел. В Подмосковье еще в предвоенное время и лось, и заяц, и кабан, и белка, и рябчик были отнюдь не в диковинку. Сегодня же встреча с лесным обитателем — редкий праздник. Год от года все сложнее делается поиск грибочка. Да и ягодника тоже. Исправно пополняются за счет животного и растительного богатства леса страницы самой страшной из книг — «Красной книги». И пусть речь сейчас не о чисто лесном обитателе, но ведь это же — верх дикой несурезицы, что в «Книгу» угодила полевая ромашка!

Хочу быть понятым правильно. От использования (и конечно же, промышленного) даров леса нам не уйти. Невозможно представить себе быт человека, скажем, без добротной деревянной мебели. Трудно вообразить себе сегодня сельское строительство без деревянных срубов. Или бумага, острую нехватку которой мы, литераторы, ощущаем, быть может, как никто. Все это — лес. Все это — промышленная заготовка древесины.

Взглянем на проблему заземленнее. Откровенно говоря, не понимаю тех, кто ратует за полное запрещение охоты. Сегодня я уже «переболел» охотой, но это не значит, что готов предать анафеме бывшее ув-

лечение. Да, я был охотником. И не созерцателем — добытчиком. И не вижу ничего порочного, когда люди отправляются в лес за дичью.

Так, может быть, зря бьют во все колокола ревнители лесного богатства? Может быть, излишне тревожен тон многих устных и печатных выступлений?

Нет, конечно. И сам я не только причастен к выступлениям такого рода, но и постоянно чувствую здесь свою задолженность. Нет, не о запретах мне хотелось бы сейчас говорить (к слову, в деле воспитания запреты редко вели к чему-либо путному). Есть в русском языке пусть несколько тяжеловатое, но очень нужное слово: «упорядочение». Именно в упорядочении прежде всего нуждаются наши взаимоотношения с лесом.

Не считая себя специалистом, все же рискну высказать предположение, что в планах промышленной эксплуатации леса параграфы «что взять» выглядят куда предметнее, чем те, где спрашивается «как восстановить». Только этим я могу объяснить себе, что лесной массив катастрофически убывает.

С плана начинается все. Но все ли (пусть даже не так, как того бы хотелось) делается строго по плану? Как-то зимой в Подмосковье я стал свидетелем акции, которая по технической оснащенности напоминала общевойсковую операцию средних масштабов. На нескольких гектарах вырубались деревья. Вырубались сплошным. «Нет, это не для нужд хозяйства», — пояснили мне, — идет санитарная рубка». Может быть, в силу своего непрофессионализма я заподозрил, что дело делается не совсем так, как положено. «Нет, все делается как надо», — продолжали настаивать оппоненты и тогда, когда я приблизился к месту с бригадой Центрального телевидения. В эфир передача не пошла, а сомнения мои остались. Остались, в частности, и потому, что после телевизита «санитарная» рубка прекратилась.

О браконьерстве писано-переписано. Вопрос, конечно, не дискуссионный. Но вот, что тревожит. Воздаяние по закону, какое, скажем, настигло моего Петрищева в рассказе «Браконьер», скорее исключение, нежели правило. Нет, не за ужесточение кары выступаю я сейчас — за ее неотвратимость. А ее нет пока, этой неотвратимости. Даже когда «лесной разбойник» схвачен с поличным. И уж практически никто не несет ответственности, когда в роли губителя леса действует целая организация. Как, к примеру, один хорошо знакомый мне совхоз, самовольно расширивший свои угодья за счет лесного молодика. И ведь сделано это было в открытую.

Убежден, что упорядочение отношений человека и леса — дело государственное, и пример этому должны подавать в первую очередь организации, государственные и общественные. Именно они обязаны сказать свое решающее слово в восстановлении культуры этих отношений, горестно утратившейся. Я уже сетовал, что ныне родители приходят с детьми в лес куда реже, чем хотелось бы. Но каждый ли родитель готов к такому выходу, каждый ли имеет моральное право на него?

В сегодняшнем пригородном лесу меня нередко преследует мысль, что скоро вся планета покроется целлофановыми пакетами. Мысль, поверьте, курьезная только внешне. Поглядишь на следы иной «смычки» горожанина с природой и подумаешь: а хорошо, что дети остались в городе. Что познает здесь неокрепший характер, привыкший полагаться на опыт и порядочность старших? Что для костра не обязательно собирать сухих, а можно валить крепкое дерево? Что отдохнуть на природе — значит обратить все до листика и упаковать в букеты, которые увянут еще в электричке? Что без спиртного и природы не природа? Что лесная поляна — не квар-

тира, и, стало быть, здесь можно мусорить, как душе заблагорассудится?

А ведь это — тоже урок, следы которого не зарубцевать призывами типа «Лес — наше богатство». Урок эгоизма, неряшливости, вседозволенности, урока счастья.

Да не посетуют на меня, что эти горькие слова я говорю в праздник.

Вдумаемся в название сегодняшнего праздника — День работника леса. Это день тех, кому в счастливую обязанность вменено работать бок о бок с лесом. Разумно добывать его сокровища. Делать из них вещи, без которых немислимо человеческое бытие.

И — беречь его. Беречь, чтобы он воздал сполна. Лес — самое верное место, где может заблестать талант бережливого, рачительного и одухотворенного человека. Даже когда он работает вдали от тайги или дубравы. Не на словах берегут лес архангельские бумажники, стремящиеся максимально облегчить вес бумаги, картона и сэкономить многие тысячи тонн бесценного сырья. Берегут лес и их котласские коллеги, научившиеся (и готовые научить других) вырабатывать вискозную целлюлозу не из хвойной, а из более дешевой — лиственной древесины. Думаю, что сегодняшний день могут назвать своим и строители, которые научились «вращивать» жилые кварталы в лесной массив, не вредя при этом лесу. Так строился Зеленоград. Так строятся поселки на БАМе.

Что бы я хотел пожелать этим людям? Прежде всего побольше убежденных и умелых союзников.

Впрочем, здесь решающее слово за самими работниками леса. Они должны создавать таких союзников, истинных друзей и защитников леса. Надо научить людей, прежде всего молодежь, любви к дереву нашей Родины.